

Дождь лил более двух недель подряд, и большинство населённых пунктов, где проходили съёмки, были затоплены, что напрямую нарушило съёмочный план группы.

Цзян Инь также прилетела в Ухань на встречу. К счастью, предыдущий график съёмок был очень компактным. Контент, первоначально запланированный на два месяца съёмок, был сжат до полутора месяцев, что оставило много места для последующих изменений.

— Значит, сначала займёмся следующим участком? - Ся Сицин не мог не немного забеспокоиться, — Но размер Чжоу Цзихэна...

— Всё в порядке. - Чжоу Цзихэн прямо перевёл разговор. — Я буду усердно работать, чтобы похудеть в последние несколько дней, а с косметикой, я не думаю, что возникнет большая проблема.

— Мы ничего не можем сделать, иначе мы не сможем догнать берлинский кинофестиваль. - Кун Чэн коснулся своего подбородка и вздохнул.

Цзян Инь держала в руке авторучку для подписи и легонько постукивала ею по рабочему столу:

— Не говори о кинофестивалях, это всё запоздалые мысли. Первоначально мы планировали провести 1 декабря, во Всемирный день борьбы со СПИДом. Смысл понятен, и время тоже выбрано удачно. После Double Eleven, перед фестивалем Double Dan, избегайте строгого досье. Однако на последующее редактирование и подготовку к печати отводится не менее двух месяцев, плюс время на отправку на рецензирование. Вы, ребята, рассчитывайте.

Чжоу Цзихэн нахмурился:

— Съёмки будут завершены самое позднее в августе.

Но сейчас до июля осталась всего неделя, а времени слишком мало.

— Если вы не покрасите линзу, вы можете убить её плавно. - Директор Кун посмотрел на расписание. — Осталось не так много съёмок, не так много игр.

В эти дни, когда идёт дождь, группа закончила снимать все сцены, в которых нужен дождь, и даже помощник режиссёра пошутил:

— Это самая экономичная группа, в которой я когда-либо был. Все сцены с дождем - это настоящий дождь.

Они только что перешли в круглосуточный магазин, где Цзян Тун работал на сцене. Готовили

место проведения и реквизит. Ся Сицин и помощник режиссера стояли в стороне и ждали. Услышав шутку помощника режиссёра, Ся Сицин также сказал:

— Ухань такой. На самом деле, за последние два года здесь было лучше.

Случилось так, что Чжоу Цзихэн, который только что закончил наносить макияж, подошёл и встал рядом с Ся Сицином, слушая, как он продолжает:

— Когда я учился в средней школе, его затопляло на каждом шагу. Стадион был низким, и вся территория была затоплена озером. Ехать по дороге - всё равно что плыть на лодке. Я даже задел рыбу на дороге.

Говоря о Чжоу Цзихэне, он первым засмеялся:

— Где ты утонул?

— Я был немного ниже, чем сейчас, может быть, 1,8 метра, и у меня утонули колени в самый тяжелый момент. - Ся Сицин прислонился к двери и вспомнил. — В то время многие мальчики в классе выходили с девочками на спине и сажали их на автобусной станции или что-то в этом роде. - Сказав это, он внезапно рассмеялся. — В то время Чэнь-Чэня почти отнесло назад. Ему стало стыдно, и он отказался согласиться, и они почти не ссорились.

Помощник директора рассмеялся:

— Сицин, разве ты не воспользовался возможностью запомнить одноклассниц в классе?

Чжоу Цзихэн представил себе эту картину, повернул лицо, чтобы посмотреть на Ся Сицина, и улыбнулся, словно наблюдая за волнением:

— Да, а как насчёт тебя?

— Я? - Ся Сицин хрипло улыбнулся. — Я не могу заботиться о себе. Кто бы ни имел никакого отношения к тому, чтобы нести их, я не могу дожидаться, когда кто-нибудь понесёт меня. Каждый раз, когда идёт дождь, это портит несколько пар моих кроссовок.

Как только он закончил говорить, Сицин услышал, как Чжоу Цзихэн хихикнул, и даже помощник режиссёра был немного озадачен.

Неужели это так забавно?

Когда помощник режиссёра занялся другими делами и ушёл, Чжоу Цзихэн толкнул Ся Сицина

плечом:

— Я несу тебя.

Ся Сицин взглянул на Чжоу Цзихэна. Случилось так, что оперативная служба окликнула его по имени. Он ответил и вложил половину кофе, который держал в руке, в руку Чжоу Цзихэна, готовый идти к директору.

— Если ты не позволишь тебя нести, разве ты не будешь нести это тоже?

Помощница оставила эти слова без внимания, улыбнулась и увела Ся Сицина с зонтиком, оставив только Чжоу Цзихэна хихикать на месте.

Рядом с режиссёром Куном стоял другой актёр Го Ян, который недавно присоединился к группе. Он был представительным актёром лет сорока. Благодаря прямой форме костюма в пьесе было легко произвести на людей хорошее впечатление.

Ся Сицин уже встречался с ним в ночь встречи, и эти двое уже играли друг против друга заранее.

— К счастью, я тоже высокий мужчина, - Засмеялся Го Ян, рост которого составляет 1,9 метра.
— В противном случае, высокий мужчина Цзян Туна действительно не может проявить слабость перед обычными людьми.

Кун Чэн также рассмеялся:

— Это самый высокий средний рост актёра, которого я когда-либо снимал. Я падаю в яму каждый день.

Го Ян также много лет испытывал трудности в индустрии шоу-бизнеса. В ранние годы он не был амбициозным и никогда не производил большого впечатления, но, достигнув среднего возраста, он завоевал любовь многих молодых поклонниц благодаря своему элегантному темпераменту и превосходным актёрским способностям.

В этой пьесе он сыграл Чэн Цимина, руководителя корпорации, который обратил внимание на Цзян Туна, потому что тот покупал сигареты в круглосуточном магазине. Он увидел Цзян Туна, и сразу же подумал о своём младшем брате, и поэтому очень хорошо к нему относится. Он часто приходил к нему, чтобы что-то купить, и привозил подарки, когда был в деловых поездках.

Цзян Тун сначала сопротивлялся, но постепенно он был готов принять его доброту.

Затем, когда он сопровождал Гао Куна в лабораторию для тестирования, он узнал от врача, что вирус в его организме развил лекарственную устойчивость, и весьма вероятно, что человек, который его заразил, уже принимал лекарство и у него развилась антинаркотическая реакция. Он принял лекарство поздно, и его иммунитет почти исчез.

Если они хотят продолжать лечение, полагаться на препараты первой линии, бесплатно распределяемые государством, этого будет недостаточно, но у них нет денег, чтобы покупать лекарства за свой счёт.

Увидев, что Гао Кун попал в больницу с высокой температурой из-за осложнений, Цзян Тун отчаянно работал неполный рабочий день, но всё равно не мог ему помочь, поэтому он мог только занять денег у Чэн Цицина на помощь.

Случилось так, что, когда Гао Кун и Линлин были вместе, они вдвоём прочитали интервью с Чэнь Цицином в журнале.

В то время Линлин также упомянула сплетни:

— Я слышала, как молодая девушка, которая работает в элитном клубе, сказала, что этому мужчине не нравятся маленькие девочки, поэтому он просит сопровождать его только маленьких уток в клубе.

Из-за этого Гао Кун неправильно понял Цзян Туна, и они поссорились.

Это сцена, которую им нужно закончить сегодня, и это также последняя сцена с дождём в этом фильме.

— Цзян Тун здесь как раз вовремя, давайте поговорим об этом вместе, это две литературные драмы плюс одна конфликтная драма. – Маленький помощник держал зонтик для Кун Дао, и он вышел за стеклянную дверь. — Подождите минутку. Мы будем использовать несколько объективов под разными углами. Один из них находится за дверью. Поэтому, если вы покидаете позицию, вы должны обратить на это внимание и приложить все усилия, чтобы прояснить эту позицию.

После нескольких грубых объяснений Кун Чэн вернулся к монитору.

— Я готов принять первое предложение.

— Игра «Слежка» впервые использует зеркало, действуй!

В двенадцать часов ночи Цзян Тун, который был главным в течение двух часов, уже передвинул более дюжины коробок с товарами в ряд, заполняя вакансии на полках одну за другой.

Он боится незнакомцев, и он слышал, что это неудобно. Он не может быть кассиром, поэтому он может выполнять только более тяжёлую и утомительную работу.

Арчи, коллега кассира, внезапно подошёл с прикрытым животом, похлопал его по плечу и намеренно громко сказал ему:

— Цзян Тун, я иду в туалет. У меня смертельно болит живот. Пожалуйста, помоги мне встать у прилавка. Спасибо.

Цзян Тун наполовину опустил голову, снял перчатки, положил их в карман одежды и подошёл к стойке. К счастью, в ранние утренние часы там всегда никого не было, так что ему не нужно слишком беспокоиться. Кто знал, что как только он подумает об этом, раздастся автоматический приветственный голос круглосуточного магазина у дверей. Цзян Тун медленно поднял голову и быстро опустил. В поле его зрения была только пара ног в дорогом костюме.

Гость взял чашку кофе, снова встал перед стойкой и любезно сказал:

— Здравствуйте, пожалуйста, дайте мне вон ту упаковку гипсофила Yellow Crane Tower.

Голос собеседника был таким нежным, что Цзян Тун услышал только три слова «Хуанхэлоу», поэтому он поспешно присел на корточки, нашёл для него сумку и накрыл её, опустив голову.

— Нет, я хочу небо, полное звёзд, голубое, мягко набитое.

Синий.

Цзян Тун знал, что нашёл не тот, поэтому присел на корточки и нашёл сине-Жёлтую башню крана. Он взял её обеими руками и протянул гостю. Он запнулся и тихо извинился.

Руки, взявшие сигарету, были чистыми, а ногти аккуратно подстрижены.

— Спасибо, сколько это стоит?

Цзян Тун просмотрел его, осторожно поднял глаза, увидел номер на экране и с трудом сообщил его гостю, стоящему перед ним.

Он достал из бумажника купюру в сто юаней и протянул её Цзян Туну. Тот терпеливо ждал, пока тот разменяет. Наконец, он сказал «спасибо», открыл дверь и вышел.

Когда автоматический голос у двери смолк, Цзян Тун вздохнул с облегчением. Когда он поднял глаза, он мог видеть только половину фигуры под чёрным зонтиком, открыл дверь и сел внутрь.

— Снято!

Хотя Кун Чэн хороший человек, он очень хорош в съёмках. Эта сцена покупки сигарет была снята целых двадцать один раз.

На самом деле, он тоже был озадачен. Ся Сицин и Чжоу Цзихэн были полны напряжения в своих сценах, но они всегда были чем-то обязаны другим людям, и всегда требовалось много времени, чтобы обрести это чувство.

— Подождите минутку. Эти сцены - всего лишь несколько сцен, с которыми Цзян Тун и Чэн Цимин постепенно знакомятся. Вы должны проявить чувство привязанности, подобное вашему отцу, но этот масштаб не может быть слишком высоким. Вы должны хорошо это усвоить.

Услышав это от Кун Чэна, Ся Сицину стало ещё труднее.

Дети, которым с раннего возраста не хватает отцовской любви, часто, вырастая, проявляют две личностные тенденции. Первая - это крайнее стремление к комплексу отцовской любви, постоянное ожидание найти аналогичные альтернативные эмоции у других, а другая - это отвращение к отцовской любви и подобным эмоциям.

Ся Сицин, очевидно, был последним, и для него сыграть первого было полным скачком вперёд.

После нескольких неудачных попыток режиссёр Кун всё ещё чувствовал неудовлетворённость:

— В твоих глазах только мягкость, и нет никакой зависимости от него, которая открыла бы его сердце.

После долгого разговора Чжоу Цзихэн, который стоял в стороне, также принял участие в обсуждении:

— Директор, вы действительно думаете, что Цзян Тун открылся Чэн Циминю? Хотя я смотрю на это с точки зрения Гао Куна, я думаю, что Цзян Тун на самом деле единственный человек, от которого Гао Кун действительно зависит. Если бы ему не нужно было, он бы не обратился за помощью к Чэн Циминю.

Они двое чуть не поссорились из-за роли, но это уже обычное явление в съёмочной группе. Каждый занимался своим делом, и никто не вмешивался. Когда эти двое сказали, что не могут разговаривать друг с другом, Ся Сицин наконец высказал свою точку зрения.

— Если он действительно полагается на Чэн Цимина, он, должно быть, рассказал ему о болезни Гао Куна ранним утром. Он скрывал это от него. На самом деле, это своего рода недоверие. - Сказав это, он снова сделал паузу. — Более того, в такой среде, как Цзян Тун, он наблюдал, как его мать с раннего возраста приводила домой всевозможных взрослых мужчин.

Если бы я был немного несчастлив, я бы кричал и ругался. Я думаю, что такая среда роста окажет влияние на мужчину средних лет. Чувство зависимости нереально.

Чжоу Цзихэн обеспокоенно взглянул на него, а затем повторил свою концепцию Кун Чэну.

Даже Го Ян, который наблюдал за битвой со стороны, встал в очередь:

— На самом деле, я также думаю, что их анализ более разумен. Если бы я играл Цзян Туна, я бы больше боялся съежиться. - Говоря об этом, он снова начал шутить. — Но я могу играть только Цзян Туна средних лет, ха-ха-ха.

Только тогда Кун Чэн пошёл на компромисс. Он чувствовал, что его собственное мышление было немного предвзятым, но он всегда был режиссёром, который готов принять предложения актёров. Изначально съёмки - это командное творение, и режиссёры иногда не обязательно испытывают более глубокое чувство к определённой роли, чем актёры.

— Тогда давайте сделаем это снова в соответствии с этой идеей.

Сделав ещё три или четыре кадра, Чжоу Цзихэн уставился на монитор, рассматривая эмоции в глазах Ся Сицина в камеру. Для Ся Сицина нетрудно притвориться слабым. В сочетании с его лицом вообще нет ощущения нарушения, но это так мощно.

И в дополнение к робости и малодушию в глазах Чэн Цицина, у него также были сложные эмоции, своего рода дискомфорт от принятия доброты других и своего рода упрямство, скрытое в его костях.

Эти эмоции принадлежат Ся Сицину.

— Готово. - Режиссёр Кун взглянул на свои часы. Было уже три часа ночи. — Давайте поторопимся, но мы не сможем сделать снимки на рассвете.

Последняя - это сцена конфликта, в которой участвовал Гао Кун.

Стилист отвёл Го Яна вниз переодеться, визажист поднялся наверх, чтобы сделать макияж Ся Сицину, а Чжоу Цзихэн был рядом с ним, чтобы помочь ему со сценой.

Произнося эти строки, Ся Сицин взглянул на Чжоу Цзихэна. Его лицо было очень уродливым. В правом уголке рта был герпес, и часть его была сломана.

Его глазницы были глубокими, лицо нездорово жёлтым, а лимфа на шее вздулась.

Хотя он знал, что это заслуга визажиста, он не мог сказать почему, просто глядя на Ся Сицина, он чувствовал себя расстроенным.

— Не смотри на меня. - Чжоу Цзихэн закрыл лицо сценарием.

— Не смотри на него, - Младшая сестра визажиста взяла рукой Ся Сицина за подбородок. — Я не смогу нанести ему макияж, если буду относиться к нему снисходительно.

— Кто на него смотрел? - Ся Сицин повернул голову и услышал смех Чжоу Цзихэна рядом с собой.

Он вдруг вспомнил, что в самом начале ему пришлось прийти на прослушивание, чтобы помешать другим маленьким свежачкам сниматься с Чжоу Цзихэном.

Думая об этом таким образом, он действительно был достаточно глуп в самом начале.

Но если бы он не пришёл, у них могли бы быть просто такие отношения, которые нельзя разорвать до сих пор.

— 76-я сцена «Слежки», впервые в зеркале А, экшн!

Сильный дождь льёт без остановки.

Цзян Тун, который закончил переносить товары, тихо вошёл в комнату отдыха персонала, снял пальто и промокнул полотенцем немного воды, прежде чем снова надеть его.

Когда он закрыл решётчатый шкафчик, то увидел внутри коробку для ланча, а также маленькую коробочку шоколада.

После этой ночи я куплю горячий творог из трёх свежих бобов завтра рано утром и отнесу его в больницу, чтобы найти Гао Куна.

Цзян Тун закрыл дверцу шкафа, достал свой мобильный телефон и взглянул на время. Когда он уже собирался положить его обратно, пришло текстовое сообщение.

Он поспешно сунул телефон в карман брюк, вышел из гостиной и огляделся.

У входа в круглосуточный магазин стоял мужчина в строгом костюме, всё ещё держа в руке тёмный зонт.

Он откинул свой зонтик назад и улыбнулся Цзян Туну, открыв лицо.

Цзян Тун взглянул на стойку кассира. Это была девушка, которая была с ним в ночную смену сегодня вечером, и она пристально смотрела на него сверху вниз.

Он вышел под предлогом того, что собирается прогуляться, и когда увидел Чэн Цимина, то снова и снова наклонялся.

Чэн Цимин подошёл к карнизу круглосуточного магазина, убрал свой зонтик и добродушно улыбнулся:

— У всех остальных пересменка, почему ты работаешь всю ночь каждый день?

Шум дождя был громким, но, к счастью, его голос тоже был громким, и Цзян Тун едва расслышал его отчётливо. Он наполовину опустил голову, пытаясь объяснить, но не смог:

— Я... я...

— Я просто спрашиваю, не нервничай. - Он, естественно, протянул руку и похлопал Цзян Туна по худому плечу, но Цзян Тун деликатно спрятался, не поднимая глаз.

— О, кстати, - Чэн Цимин немедленно сменил тему, — Ты сказал, что хочешь мне что-то сказать, в чём дело?

Тело Цзян Туна пахло дезинфицирующей водой.

Очевидно, он снова спросил.

— Это связано с вашим больным другом?

Цзян Тун услышал это предложение очень отчётливо. Он немедленно кивнул, подсознательно думая о языке жестов, но как только он поднял руку и опустил её, он объяснил ему с большим трудом:

— Болен, болен... очень серьезно... нужно, очень нужно... Ещё...денег...ты, ты...

Он был так встревожен, что случайно поперхнулся и несколько раз кашлянул. Чэн Цимин шагнул вперёд и похлопал его по спине:

— Ты притормози, притормози. - Он поднял глаза и заглянул внутрь круглосуточного магазина. — Здесь неудобно разговаривать, почему бы тебе не пойти со мной в машину и не поговорить?

Цзян Тун взглянул на машину и покачал головой:

— Я... я хочу, я хочу... занять немного... денег. - Последнее слово «деньги» он произнёс очень легко, смирение было в его характере. Смушение с детства до зрелости сделало его действительно неспособным щедро снимать деньги.

Но он боялся, что Чэн Цимин сочтёт его лжецом и захочет объяснить ему всё яснее. Он достал записную книжку и ручку из кармана своей рабочей одежды:

— Ты... ты... подожди...я..

Закончив говорить, он быстро присел на корточки, отчаянно пытаясь записать то, что хотел сказать. Что за болезнь была у Гао Куна, почему он заболел и почему ему пришлось лечить его за свой счёт. Все входы и выходы были чётко написаны одним росчерком, но чем больше он писал, тем больше он волновался, и всё его тело дрожало.

— Не волнуйся, давай встанем и поговорим. - Чэн Цимин остановил Цзян Туна. — Пойдем к машине. Ты можешь сесть. Здесь неудобно стоять.

Цзян Тун сначала покачал головой, но затем покачал головой и снова кивнул. Чэн Цимин взял свой зонтик, подошёл сбоку к дорогому автомобилю, наполовину придерживая его за плечи, и по-джентльменски открыл перед ним дверцу.

— Заходи.

Цзян Тун как раз собирался наклониться и войти, когда внезапно вышел человек, и он использовал неизвестное количество силы, чтобы вытащить его. Цзян Тун был застигнут врасплох и, подняв глаза, увидел, что это был Гао Кун!

— Гао... Гао...

— Иди сюда за мной. - Зонтик Гао Куна, который он держал в руках, теперь был опрокинут на землю, дождь хлестал по его лицу, его брови сошлись в комок, и он протянул руку, чтобы оттолкнуть Чэн Цимина. — Какого черта ты делаешь? - Сказав это, он снова надавил. — Куда ты хочешь его отвести?

Чэн Цимин хотел объяснить, но прежде чем он смог внятно объяснить, Гао Кун собирался кого-то ударить. Цзян Тун немедленно встал посреди них, настолько взволнованный, что не мог говорить, он мог только кричать и хватать Гао Куна за руку. Маленькая записная книжка, которую он держал до этого, упала на землю.

Гао Кун внезапно подумал, что он только закончил делать инъекцию в руку, а в его ушке всё ещё была игла, поэтому он немедленно убрал руку, но огонь в его сердце не мог утихнуть:

— Ты отпустил меня, отпусти!

Цзян Тун был захвачен им врасплох, в оцепенении отпустил руку, которая схватила его за локоть, и посмотрел ему в глаза.

— Иди домой. - Видя его ошеломлённым и неподвижным, Гао Кун снова взревел. — Я сказал тебе вернуться. Ты что, не понимаешь людей?

— Не будь таким, он сделал это, чтобы помочь тебе...

Гао Кун прямо прервал объяснение Чэн Цимина:

— Разве я позволил тебе говорить? Пожалуйста, держитесь от него подальше, не ищите его, если хотите причинить вред другим! Не думайте, что вы можете случайно разорить других, если у вас есть два доллара!

Цзян Тун внезапно понял, что имел в виду Гао Кун.

Он молча наклонился, поднял свою уже промокшую записную книжку и, не говоря ни слова, протянул её Гао Куну, но Гао Кун был зол, а Чэн Цимин ещё не закончил вытаскивать её. Где он может позаботиться о Цзян Туна?

— Позволь мне сказать тебе! Мне всё равно, нравятся тебе мужчины или женщины, но тебе не разрешается прикасаться к Цзян Туну! Он не в твоём вкусе, держись от него подальше! - Гао Кун сказал во время разговора, вспоминая мальчика, которого он видел раньше в центре профилактики эпидемий, что он тоже был чистоплотным. Он был моложе Цзян Туна. Он просто играл в баре одну ночь, был пьян и изнасилован. Он заразился СПИДом и стал таким же, как он. Каждый день напуганным.

Гао Кун толкнул Цзян Туна локтём:

— Иди домой, иди домой.

Записная книжка Цзян Туна снова была отброшена им, и он поспешно поднял её снова. Когда он встал и хотел отдать её ему, он обнаружил, что Гао Кун упал к его ногам.

Он был так напуган, что немедленно опустился на колени, поспешно обнял голову Гао Куна под проливным дождем и снова повернулся всем телом к Чэн Циминю. Он хотел передать ему маленькую записную книжку, которую держал в руках, но ничего не мог с собой поделаться. Ему приходилось постоянно кланяться ему, и его и без того бессвязный голос прерывался из-за сильного дождя.

— Спаси... его... пожалуйста, пожалуйста... тебя...

После того, как Чэн Цимин постучал несколько раз подряд, он не выдержал, поэтому он мог только присесть на корточки, и они вдвоём подняли Гао Куна в машину и закрыли дверь.

— Вы идите ко второму пилоту, мы должны немедленно отправить вашего друга в отделение неотложной помощи.

Цзян Тун сел на второго пилота, но тому почти пришлось развернуться, дрожа и уставившись на Гао Куна, который лежал без сознания на заднем сиденье.

Чэн Цимин взглянул на него, вздохнул и завёл машину, чтобы ехать в больницу.

— Снято!

Потребовалось четырнадцать кадров, чтобы выиграть этот. Трое актёров полтора часа простояли под дождём. Как только режиссёр остановился, несколько ассистентов немедленно вышли вперёд с зонтиками и обернули их банными полотенцами.

Возникла проблема с машиной, которую Цзян Инь организовала для Ся Сицина. Сясяо смогла лишь временно соединить его с фургоном Чжоу Цзихэна. В любом случае, в это время шёл сильный дождь, и там почти не было папарацци.

— Ты наконец закончил съёмки до рассвета, и тебе придется заболеть, если ты проведёшь их вот так. - Сясяо взяла чистую одежду и горячий чёрный чай, который был приготовлен давным-давно, и удалила косметику с лица Чжоу Цзихэна. — Сицин болел всего полмесяца.

Сицин поблагодарил её с улыбкой, а затем с улыбкой последовал за Сяо Ло на водительское сиденье перед ним и помог ему очень аккуратно задёрнуть шторы:

— Вы можете немного поспать. Предполагается, что когда ты вернёшься в отель, будет рассвет.

Чжоу Цзихэн уже переоделся, когда Ся Сицин сел в машину, и теперь он единственный, кто остался.

— Повернись.

Лицо Чжоу Цзихэна, казалось, улыбалось, и его голос был немного понижен:

— Я нигде не видел этого изнутри.

Ся Сицин не потрудился тянуть его за собой:

— Любовь не может развернуться. – Он быстро снял рубашку, Чжоу Цзихэн послушно взял полотенце, чтобы вытереть верхнюю часть тела, и натянул ему на голову свои короткие рукава.

Макияж с его лица давно смыл сильный дождь, и он переоделся в белую одежду с короткими рукавами. Ся Сицин теперь жив и здоров, как студент, чист и освежающ.

— Позволь мне помочь тебе и с твоими штанами тоже? – Чжоу Цзихэн поднял брюки со стола, встряхнул их, и в следующую секунду Ся Сицин схватил его и свирепо посмотрел на него.

Хотя он шутил, но независимо от помощника на водительском сиденье, Чжоу Цзихэн повернул своё лицо, его разум был полон картин из пьесы только что, и его эмоции не были полностью устранены.

Ся Сицин переоделся и лёг на диван-кровать в фургоне, чувствуя, что его опустошили.

Чжоу Цзихэн тоже лёг на бок, поцеловал Ся Сицина в глаза и прошептал:

— Я плакал и опух.

Услышав это, Ся Сицин закрыл глаза тыльной стороной ладони, всем сердцем думая о съёмках:

— Если опухоль будет продолжаться в том же духе, ты не сможешь даже пойти на шоу завтра.

— Не прикрывай это. – Чжоу Цзихэн поцеловал его ладонь. — Ты хорошо выглядишь, когда плачешь, мне нравится это видеть.

Ся Сицин убрал руку и похлопал его по лбу:

— Почему я думаю, что у моего парня есть склонность к насилию? Ты не знаешь, что ты больная девушка до мозга костей, не так ли?

— Больная Цзяо? Чем болен Цзяо? – Чжоу Цзихэн схватил руку Ся Сицина и снова поцеловал её.

— Это просто... – Как это объяснить, Ся Сицин немного подумал, но почувствовал, что не может объяснить это ясно. — Забудь об этом, ты можешь проверить это сам.

Он посмотрел на Чжоу Цзихэна, который сильно похудел, и от его прежней агрессивной ауры стало немного меньше. Он действительно выглядел как 20-летний парень с рыжими волосами,

которые не могли остановить мальчишескую ауру.

Ся Сицин сначала коснулся его лица, затем наклонился и ущипнул Чжоу Цзихэна за талию:

— Ты сильно похудел. Ты, должно быть, похудел на пятнадцать катти за этот период времени.

— Почти двадцать кэтти. — Чжоу Цзихэн вздохнул. — Директор Кун сказал, что я должен сбросить ещё больше веса, и мои мышцы живота исчезли.

В наши дни все упакованные ланчи Чжоу Цзихэна специально приготовлены Цзян Инь. Иногда он съедает миску варёного риса и овощей из пшеницы, а затем ест несколько яблок, нарезанных маленькими кусочками в середине съёмок. Видя, как люди худеют, он изначально гордился своей фигурой. Она просто превратилась в тонкий бамбуковый шест.

Фигура актера сама по себе нуждается в корректировке в соответствии с ролью. Не то чтобы Чжоу Цзихэн не испытывал этого перед съемками. Он также очень рад посвятить себя искусству, но сейчас он снимается с людьми, которые ему нравятся. Он все еще не хочет, чтобы Стицин видел его уродливую внешность.

Ся Сицин потрогал его впалую щеку и вздохнул:

— Поторопись и сделай это.

Если ты будешь продолжать оставаться таким худым, твоё тело будет истощено.

— Ты больше не можешь это смотреть? — Сказал Чжоу Цзихэн с улыбкой.

— Почему ты так говоришь?

Чжоу Цзихэн опустил голову и обнял Ся Сицина, его голос был намного тише:

— Разве ты раньше не говорил, что тебе просто нравятся это лицо и фигура?..

Прежде чем он закончил говорить, Ся Сицин рассмеялся.

Чжоу Цзихэн поднял на него глаза:

— Над чем ты смеёшься?

— Смейся надо мной, как такой дурак, как ты, мог меня одурачить.

— Ты...

— Хотя я не испытываю неприязни к цыплёнку в белую полоску, тебе лучше поскорее привести мою фигуру в порядок после того, как доешь его, иначе... – Ся Сицин наклонился к уху Чжоу Цзихэна, держась за мочку его уха.

Маленькие серебряные серёжки, кончик языка горячий и влажный, трется о холодный металл и постепенно нагревающуюся кожу.

Это то же самое, что и его голос, мягкий.

— Многие позы не могут быть разблокированы.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284223>